

Карета рассекала по оживлённым улицам, и мерный стук копыт разносился всё ближе к дворцовым воротам.

Внутри экипажа царила тишина.

Не считая Лу Инга, остальные трое сидели ни живы ни мертвы.

Покончив с пирожными, Лу Инг с чистой совестью зачерснул ещё пригоршню очищенных добела ядер грецкого ореха — это лакомство его матушка готовила специально для него, чтобы подлечить голову.

Он ел их уже ровно три года, не пропуская ни дня.

Закинув орехи в рот, Лу Инг спросил:

— Батя, а вдворце есть красненькие ягоды?

Под красненькими ягодами он имел в виду личи — это название Лу Инг придумал сам, ведь дурачок, который не мог запомнить даже имена собственных родителей, разве был способен удержать в памяти редкое заморское название.

За всё время после перемещения в этот мир Лу Инг лишь единожды имел счастье отведать эти ягоды — их Лу Гану пожаловал сам Сын Неба.

Лу Инг, который так любил личи, тогда пришёл в дикий восторг, но стоило ему взглянуть на них и попробовать, как он сразу понял: что-то не так...

Те личи были совсем не свежими.

А старый император оказался еще тем хитрюгой, разбазаривая чужим людям лишь испорченные дары.

Стоило Лу Ину назвать отца, и тот словно спасённый небесным божеством Лу Ган благодарно кивнул мальчику, мысленно радуясь, что этот инцидент наконец-то исчерпан.

Есть. В этом году в Землях Шу уродились на славу, Сын Неба несказанно обрадовался и уже давно горел желанием разделить это лакомство с приближёнными сановниками. Вчера отец получил весточку от Транспортного приказа: сегодня утром во дворец как раз доставили партию свежих личи.

— Свежие личи? — удивился второй молодой господин семьи Лу, Лу Минь, продолжая хрустеть

орехами.

И неудивительно, что Лу Минь усомнился: в Династии Великая Чжоу личи вовсе не росли на каждом шагу, как в современном мире.

Кажется, всего несколько лет назад этот фрукт впервые попался на глаза людям и был поднесён императору.

Столь драгоценный плод предъявлял высочайшие требования к технологиям холодовой логистики, и доставить личи в столицу издалека целыми и невредимыми было сложнее, чем подняться в небеса.

Поэтому для дани фрукты обычно перерабатывали в цукаты и тому подобное.

Личи еще называют покидающими ветвь — это значит, что их нужно есть сразу после срыва. Срок годности сорванных плодов крайне мал, поэтому в древности говорили: в первый день у личи меняется цвет, во второй — аромат, на третий — вкус, а на четвёртый-пятый дни цвет, аромат и вкус исчезают без следа. Желая разрядить неловкую атмосферу в экипаже, Лу Ган ухватился за первую попавшуюся тему и охотно пустился в пояснения.

Несколько лет назад, во время инспекционной поездки на Запад, император однажды попробовал личи и с тех пор никак не мог забыть этот сладкий и сочный вкус. Беда в том, что от Земель Шу до столицы три тысячи ли пути, и даже если преодолевать по триста ли в день, на доставку личи в столицу уйдёт не меньше пяти дней. Если приплюсовать время в пути и летнюю жару, фрукты давно бы испортились.

Пока Лу Ган рассуждал, он тоже запустил руку в баночку с орехами и, легко откинувшись на подушку, принял вид человека, готового поболтать от души.

Сам Сын Неба сказывал, что месяц назад Шестой принц придумал способ и даже расписал весь порядок действий. Сначала свежие личи укладывают в пустые бамбуковые тубы и герметично запечатывают, а затем помещают в специально изготовленные бочонки со льдом. Одновременно с этим вдоль всего пути из Земель Шу в столицу учредили дополнительные почтовые станции, где на каждом отрезке меняли лошадей, гонцов и обновляли лёд, передавая груз по эстафете. Благодаря этому личи, доставленные в последние разы, оказались действительно свежими.

Шестой... принц? — на этот раз голос подал Лу Инг, усердно жевавший орехи.

Возвращаясь домой каждый вечер, Лу Ган запирали двери и пересказывал жене и детям все свежие слухи, услышанные за день, среди которых было немало дворцовых сплетен.

О том, как соперничают те или иные наложницы, о какой невесте грезит Второй принц, о

дружбе Третьего принца с отпрыском какого-то рода и тому подобное.

Но имя Шестого принца Лу Инг услышал впервые.

В отличие от прочих принцев из рассказов Лу Гана, этот Шестой принц оказался куда смыслёнее: будучи избалованным с мала-мальски юных лет, он прекрасно смыслил в химических реакциях.

Он догадался использовать герметичную упаковку для перевозки личи, чтобы сократить количество кислорода внутри, увеличить концентрацию углекислого газа и затормозить естественный обмен веществ плодов, добившись тем самым цели сохранения свежести.

А прочная бамбуковая оболочка предохраняла личи от сдавливания и деформации в дороге.

Помещение же в ледяные бочонки обеспечивало эффект заморозки и консервации.

Это тот самый принц из Дворца Юйфан? — Госпожа Лу поднесла кончиками пальцев орешек к алым губам, медленно и тщательно его прожевала, а затем добавила: — Видела его несколько лет назад, очень пригожий мальчик.

Матушка Лу Инга редко хвалила посторонних, и раз уж она назвала кого-то пригожим, значит, тот действительно был хорош собой.

Шестой принц — сын покойной Наложницы Жуань. Сама она происходила из знатного и влиятельного рода Фэнаня, чьи предки поколениями занимали высокие посты при дворе. Но шесть лет назад клан Жуань из Фэнаня увяз в коррупционном деле, Наложница Жуань и Шестой принц во дворце разделили их участь и с тех пор были заточены во Дворец Юйфан, где о них все забыли. Лу Ган загадочно улыбнулся: — Хоть Шестому принцу всего десять лет, у него поистине утончённый ум, раз он сумел с помощью личи вновь привлечь к себе внимание Сына Неба.

Лу Инг слушал так внимательно, что даже бросил орехи.

По правде говоря, додуматься до способов хранения и транспортировки личи мог кто угодно, но вот взять и решиться предложить это, а тем более взвалить на себя столь рискованное дело, не смел никто.

В конце концов, с таким капризным фруктом малейшая оплошность в пути, из-за которой вкус доставленных во дворец плодов хоть капельку изменился бы, расценивалась как обман императора и каралась отсечением головы.

И тем не менее тот десятилетний Шестой принц осмелился озвучить то, о чём другие боялись даже заикнуться, предложил рабочий план и в конце концов добился успешной доставки

свежих личи во дворец — это и впрямь было выдающимся достижением.

Лу Инг понимал: каким бы ни был исход, император наверняка выделит Шестого принца за проявленную смелость.

Шестой принц в любом случае оставался в выигрыше.

Лу Инг остолбенел: раз уж он сам додумался до этого, разве мог не догадаться о том же невероятно смыслённый Шестой принц?

Он невольно усмехнулся про себя: еще один умный ребёнок.

Это напомнило ему о мальчике в синей одежде, которого похитили в тихом переулке на Улице Чжуцюэ.

Семья Лу, одержимая страстью к сплетням — от императорского двора до простых зевак на улицах, — в свободное время перемывала кости абсолютно всем.

Однако прошёл целый месяц, а о похищенном в тот день мальчике не было ни слуху ни духу.

Этот ребёнок будто сквозь землю провалился.

Лу Минь бросил взгляд на Лу Инга, который так и не притронулся к орехам, и спросил:

— Отец, а ты сам-то пробовал свежие личи?

Лу Ган замер, а затем расплылся в простодушной улыбке:

— Благодаря милости государя, отцу довелось отведать их пару раз.

Лу Минь кивнул, а затем перевёл взгляд на сидевшую рядом матушку.

Сын только что заметил: стоило Лу Гану заговорить о свежих личи, как они с матушкой обменялись нежными, исполненными чувств улыбками.

Лу Минь поинтересовался:

— Матушка, ты тоже ела их?

Услышав это, Госпожа Лу, с аппетитом уплетавшая орехи, вмиг замерла, прекратив движения.

— Это...

Она так и не смогла ничего выдать, что означало молчаливое согласие.

Лу Минь кивнул, а Лу Инг широко раскрыл глаза.

Это что же, родные батя с матушкой втихаря от детей объедались деликатесами?!

Сделав вид, будто ничего не расслышал, Лу Инг наивно улыбнулся, а затем бросился к Лу Гану на грудь.

— Пап, а во что это вы с мамой только что играли? Инэр... тоже хочет поиграть.

Личико Госпожи Лу смущенно залилось крамной краской, став похожим на спелое яблоко.

Лу Ган поджал губы:

— Это взрослые игры, Инэру в такое играть нельзя.

Лу Инг надул губёнки:

— Почему это?

— Да потому что... — растерянно бормоча, Лу Ган откинул занавеску кареты, указал куда-то наружу и поспешил сменить тему: — Инэр, глянь-ка, мы почти приехали. Войдём во дворец — и сразу поешь красненьких ягод.

<http://bllate.org/book/21851/2266400>